

THE LIFE OF
MONK HERMAN
OF VALAAM,
AMERICAN MISSIONARY

(in the Russian language)

1894 A.D.

ST. PETERSBURG

Synodal Typography

1894 A.D.

Digital Typography

www.asna.ca

© 2007 A.D.

Preface to the 2nd Digitally Typeset Edition

Glory to Jesus Christ, our True God, for all things! Through the prayers of His Most Pure Mother, the Theotokos and Ever-Virgin Mary, and through the prayers of All Saints of Valaam Monastery, and those of St. Herman of Alaska, St. Peter the Aleut – Martyr of San Francisco, and St. Innocent (Veniaminov) – Equal to the Apostles and Enlightener of North America, this publication has been realized. The textual base for this edition of “The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary” is from the original 1894 publication in the Russian language, from St. Petersburg, Russia. Although no author/compiler was explicitly named in the 1894 publication, the following description of this text can be found in Fr. Michael Oleksa’s book, *Orthodox Alaska*: “The characteristic features of Father Herman’s life and personality can be discerned from ... the short biography of the elder compiled by Constantine Larionov, another Kodiak Creole who helped gather material for his “Life” when Valaam Monastery asked for it.” (Fr. Michael Oleksa, *Orthodox Alaska*, St. Vladimir’s Seminary Press, 1992, pg. 124).

The transcriber has done his best to transcribe the text accurately, reflecting the intricacies of the pre-revolutionary orthography used for the Russian language in publications before the tragedy of 1917.

No modifications were made between the 1st and 2nd digitally typeset editions of this publication.

* * *

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

**ЖИЗНЬ
ВАЛААМСКАГО
МОНАХА ГЕРМАНА,**

Германъ

Валаамскій

убогѣи Германъ

АМЕРИКАНСКАГО МИССИОНЕРА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Синодальная типографія
1894

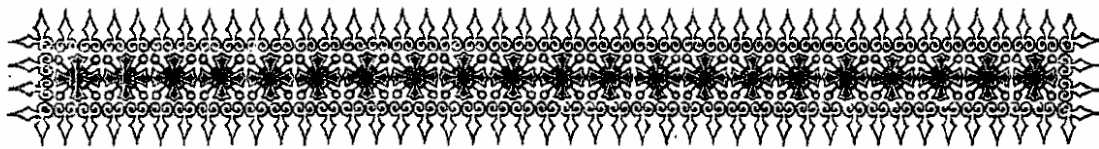
All Saints of North America Orthodox Church – www.asna.ca

(3)

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго
Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ,
Января 14 дня 1894 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ЖИЗНЬ

ВАЛААМСКАГО МОНАХА ГЕРМАНА, АМЕРИКАНСКАГО МИССИОНЕРА.

*Тако да просвѣтитя свѣтъ вашъ предъ
человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и
прославятъ Бога Отца вашего, Иже есть на
небесѣхъ (Матѣ. V, 16).*

Въ 1793 году изъ монаховъ Валаамскаго монастыря была составлена духовная миссія и отправлена для проповѣди слова Божія дикимъ обитателямъ сѣверо-западной Америки, которые, за десять только лѣтъ передъ этимъ, стали поступать въ подданство Россіи. Въ числѣ членовъ этой миссіи былъ монахъ Германъ.

Монахъ Германъ происходилъ изъ купцовъ города Серпухова Московской епархіи. Какъ онъ назывался до постриженія въ монашество и какая была его фамилія, – неизвѣстно. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ имѣлъ великую ревность къ благочестію, и 16-ти лѣтъ отъ рожденія пошелъ въ монахи. Сначала поступилъ онъ въ Троицко-Сергіеву пустынь, лежащую близъ Финскаго залива, на Петергофской дорогѣ, въ 15 верстахъ отъ С.-Петербурга.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Въ Сергіевой пустынѣ съ о. Германомъ, между прочимъ, былъ слѣдующій случай. На горлѣ, съ правой стороны, подъ бородой, образовался у него нарывъ: боль была ужасная; опухоль быстро возрастала и обезобразила все лице; весьма трудно было глотать; запахъ былъ нестерпимый. Въ такомъ опасномъ положеніи, ожидая смерти, о. Германъ не обратился къ земному врачу; но, затворивъ келью, съ теплою молитвою и слезами припалъ онъ предъ образомъ Царицы Небесной, прося у Ней исцѣленія; молился всю ночь, потомъ мокрымъ полотенцемъ обтеръ ликъ пречистой Владычицы, и этимъ полотенцемъ обвязалъ свою опухоль; продолжая молиться со слезами, въ изнеможеніи заснулъ на полу, и видѣлъ во снѣ, что его исцѣлила Пресвятая Дѣва. На утро проснувшись, встаетъ и къ великому удивленію находитъ себя совершенно здоровымъ: не прорвавши нарыва, опухоль разошлась, оставивъ по себѣ только малый значекъ, какбы въ воспоминаніе чуда. Врачи, которымъ рассказывали объ этомъ исцѣленіи, не вѣрили, доказывая, что необходимо было нарыву или самому прорваться, или быть прорѣзаннымъ; но слова врачей были слова опыта немощи человѣческой, а гдѣ дѣйствуетъ Божія благодать, тамъ чинъ естества побѣждается. – Такія явленія смиряютъ умъ человѣка подъ крѣпкую руку милосердія Божія!

Пять или шесть лѣтъ проживалъ о. Германъ въ Сергіевой пустынѣ и потомъ перешелъ въ Валаамскій монастырь, широко раскинувшійся на величественныхъ островахъ среди водъ великаго Ладожскаго озера. Всею душою полюбилъ онъ Валаамскую обитель; полюбилъ незабвеннаго настоятеля ея, благочестиваго старца Назарія, и всю братію. «Вашихъ отеческихъ мнѣ убогому благодарѣній», писалъ онъ впослѣдствіи о. Назарію изъ Америки, «не изгладятъ изъ моего сердца ни страшныя непроходимыя сибирскія мѣста, ни лѣса темныя, ни

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

быстрины великихъ рѣкъ не смоють, ниже грозный океанъ не угасить чувствъ оныхъ. Я въ умѣ воображаю любимый мною Валаамъ, на него всегда смотрю чрезъ великій океанъ». Старца Назарія въ своихъ письмахъ величалъ онъ «преподобнѣйшимъ, любезнымъ своимъ батюшкой», а всю Валаамскую братію – «любезною и дражайшею». Пустынный Еловый островъ, мѣсто своего жительства въ Америкѣ, назвалъ онъ «Новымъ Валаамомъ». И, какъ видно, всегда находился въ духовномъ общеніи съ своею духовною родиной; ибо уже въ 1823 году, слѣдовательно черезъ тридцать лѣтъ пребыванія своего въ предѣлахъ американскихъ, писалъ письма къ преемнику о. Назарія, игумену Иннокентію.

Вотъ что говорилъ о жизни о. Германа на Валаамѣ современникъ его, постриженникъ о. Назарія, и впослѣдствіи игумень Валаамскій, о. Варлаамъ. О. Германъ проходилъ здѣсь разныя послушанія и, какъ «на все благое уготованный», между прочимъ, былъ посылаемъ въ г. Сердоболь для надзора за работами при производившейся тамъ мраморной ломкѣ. Любили братія о. Германа и съ нетерпѣніемъ дожидались его возвращенія изъ Сердоболя въ обитель. Испытавъ ревность молодого подвижника, мудрый старецъ, о. Назарій, отпустилъ его на жительство въ пустыню. Пустыня эта находилась въ глухомъ лѣсу, версты полторы разстояніемъ отъ обители; донинѣ мѣстность ея сохранила названіе «Германово». По праздникамъ приходилъ о. Германъ изъ пустыни въ монастырь. И бывало, на малой вечернѣ, стоя на клиросѣ, пріятнымъ теноромъ пѣвалъ онъ съ братією припѣвы канона: «Исусе сладчайшій, спаси насъ грѣшныхъ», «Пресвятая Богородице, спаси насъ», – а слезы градомъ лились изъ его очей.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссіонера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія разширились предѣлы святой Россіи на сѣверѣ: русскими промышленниками открыты были тогда Алеутскіе острова, составляющіе на великомъ океанѣ цѣпь отъ восточнаго берега Камчатки до западнаго берега сѣверной Америки. Съ открытіемъ острововъ обнаруживалась священная необходимость – просвѣтить свѣтомъ Евангельскимъ дикихъ ихъ обитателей. Для этого святого дѣла, по благословенію Святѣйшаго Синода, высокопреосвященный митрополитъ Гавріиль поручилъ старцу Назарію избрать способныхъ людей изъ братіи Валаамской. Избрано было десять человекъ, въ числѣ ихъ и о. Германъ. Въ 1794 г. отправились избранники изъ Валаама къ мѣсту ихъ великаго назначенія. Святою ревностію проповѣдниковъ быстро разливался свѣтъ проповѣди Евангельской между новыми сынами Россіи: нѣсколько тысячъ язычниковъ приняли христіанство; заведена школа для образованія новокрещенныхъ дѣтей; выстроена церковь въ мѣстѣ жительства миссіонеровъ; но недовѣдомыми судьбами Божиими общіе успѣхи миссіи были недолговременны. Черезъ пять лѣтъ своей многополезной дѣятельности, вмѣстѣ съ своею свитою, потонулъ начальникъ миссіи, архимандритъ Іоасафъ, возведенный уже въ санъ архіерея; ранѣе его ревностный іеромонахъ Ювеналій сподобился мученическаго вѣнца; прочіе выбывали другъ за другомъ; наконецъ остался одинъ о. Германъ, и ему благоволилъ Господь долѣе всѣхъ собратій потрудиться подвигомъ Апостольскимъ для просвѣщенія алеутовъ.

Мѣстомъ жительства о. Германа въ Америкѣ былъ островъ Еловой, названный имъ «Новымъ Валаамомъ». Этотъ островъ проливомъ версты въ двѣ отдѣляется отъ острова Кадьяка, на которомъ построенъ былъ деревянный монастырь для помѣщенія членовъ миссіи и устроена деревянная церковь во имя

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Воскресенія Спасителя. Островъ Еловой – небольшой, весь покрытъ лѣсомъ; почти посреди его сбѣгаетъ въ море маленькій ручеекъ; этотъ-то живописный островъ избралъ для себя о. Германъ мѣстомъ уединенія, выкопалъ на немъ своими руками пещеру въ землѣ и въ ней провелъ первое цѣлое лѣто. Къ зимѣ, близъ пещеры, была выстроена для него келья, въ которой и жилъ онъ до смерти, а пещеру обратилъ для себя въ мѣсто могильнаго упокоенія. Недалеко отъ кельи возвышались деревянная часовня и деревянный домикъ для помѣщенія училища и посѣтителей. Передъ кельею раскидывался огородъ. Здѣсь онъ прожилъ болѣе сорока лѣтъ. – Здѣсь на огородѣ самъ копалъ онъ гряды, садилъ картофель и капусту, сѣялъ разныя овощи. Къ зимѣ запасалъ грибы, солилъ и сушилъ ихъ; соль приготовлялъ самъ изъ морской воды, или разсола. Плетеный коробъ, въ которомъ носилъ старецъ съ берега морскую капусту для удобренія земли, говорятъ, былъ такъ великъ, что трудно было его поднять одному, а о. Германъ, къ удивленію всѣхъ, переносилъ его съ капустой, безъ сторонней помощи, на далекое пространство. Въ одну зимнюю ночь случайно ученикъ его Герасимъ увидалъ его въ лѣсу, идущаго босикомъ съ такимъ большимъ деревомъ, которое нужно было бы нести четверымъ. Такъ трудился старецъ, и все, что пріобрѣталъ такими безмѣрными трудами, все это употреблялъ на пропитаніе и одежду для сиротъ – его воспитанниковъ, и на книги для нихъ.

Одежда его была одна зимою и лѣтомъ. Рубашки онъ не носилъ; вмѣсто нея онъ носилъ оленью кухлянку¹, которую по нѣскольку лѣтъ не снималъ и не перемѣнялъ, такъ что шерсть на ней вся вытиралась и кожа залоснялась. Потомъ – сапоги или башмаки, подрысникъ, ветхая, полинялая, вся въ заплатяхъ, ряса и

¹ Родъ рубашки.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссіонера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

клубукъ. Въ этой одеждѣ онъ ходилъ вездѣ и во всякую погоду: и въ дождь, и въ снѣжную мятель, и въ бурю зимнюю, и въ сильнѣйшіе морозы.

Постелью ему служила небольшая скамья, покрытая оленьюю, вытершеюся отъ времени, шерстью; изголовьемъ – два кирпича, которые подъ голою шкурою или равдугой¹ оставались незамѣтными для посѣтителей; одѣяла не было; онъ прикрывался деревянною доскою, лежавшею на печкѣ. Эту доску самъ о. Германъ назвалъ своимъ одѣяломъ, завѣщавъ ею покрыть его смертные останки; она была совершенно въ ростъ его. «Въ бытность мою въ кельѣ о. Германа», говоритъ креоль Константинъ Ларіоновъ, «я грѣшный сидѣлъ на его постели, – и это считаю верхомъ моего счастья!»

Случалось о. Герману бывать въ гостяхъ у правителей Американской компаніи и въ бесѣдахъ душеспасительныхъ съ ними просиживать до полуночи и даже за полночь; но ночевать онъ не оставался у нихъ, и, не смотря ни на какую погоду, всегда уходилъ къ себѣ въ пустыню. Если же по какому-либо особенному случаю и нужно было ему ночевать внѣ кельи, то утромъ находили постель, посланную для него, совершенно нетронутою, и старца неспавшимъ. Точно такъ и въ своей пустынѣ, проведши ночь въ бесѣдѣ, не предавался онъ отдохновенію.

Ѣлъ старецъ весьма мало. Въ гостяхъ, чуть отвѣдавъ какого-либо кушанья, оставался онъ безъ обѣда; въ кельѣ очень малая часть небольшой рыбы или овощей составляла весь его обѣдъ.

¹ Родъ замши.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Тѣло его, изнуряемое трудами, бдѣніемъ и постомъ, сокрушали пятнадцатифунтовыя вериги. Эти вериги въ настоящее время хранятся въ часовнѣ.

Разсказывая о такихъ подвигахъ о. Германа, ученикъ его, алеуть Игнатій Алигьяга прибавлялъ: «да, трудную жизнь вель апа¹, и никто не можетъ подражать его жизни!»

Описанныя нами черты изъ жизни старца касаются, такъ сказать, внѣшняго его дѣланія. Главное же дѣло его, говорить преосвященный епископъ Петръ, «было упражненіе въ подвигахъ духовныхъ, въ уединенной кельѣ, гдѣ никто его не видалъ; только внѣ кельи слышали, что онъ пѣлъ и совершалъ Богослуженіе по монашескому правилу». Такое свидѣтельство преосвященнаго подтверждаетъ и слѣдующій отвѣтъ самаго о. Германа. Старца спрашивали: «какъ вы, о. Германъ, живете одни въ лѣсу? какъ не соскучитесь?» Онъ отвѣчалъ: «нѣтъ! я тамъ не одинъ! Тамъ есть Богъ, какъ и вездѣ есть Богъ! Тамъ есть Ангелы святые! И можно ли съ ними соскучиться? Съ кѣмъ же лучше и пріятнѣе бесѣда, съ людьми или съ Ангелами? Конечно, съ Ангелами!»

Какъ смотрѣлъ о. Германъ на туземныхъ жителей Америки, какъ понималъ свое отношеніе къ нимъ, и какъ сочувствовалъ ихъ нуждамъ, выражаетъ онъ самъ въ одномъ письмѣ къ бывшему правителю колоній – Яновскому.

«Любезному нашему отечеству», писалъ онъ, «Творецъ какъ будто новорожденнаго младенца дать изволилъ край сей, который еще не имѣетъ ни силъ къ какимъ нибудь познаніямъ, ни смысла; требуетъ не только покровительства, но по безсилію

¹ Дѣдушка.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

своему и слабаго ради младенческаго возраста – самаго поддерживанія; но и о томъ самомъ не имѣеть онъ еще способностей кому либо сдѣлать свою просьбу. А какъ зависимость сего народнаго блага небеснымъ Провидѣніемъ, неизвѣстно до какого-то времени, отдана въ руки находящемуся здѣсь російскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти, – сего ради я нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька, отъ лица тѣхъ предъ вами ставши, кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу. Будьте намъ отецъ и покровитель. Мы всеконечно краснорѣчія не знаемъ; но съ нѣмотою младенческимъ языкомъ говоримъ: «отрите слезы беззащитныхъ сиротъ, прохладите жаромъ печали тающія сердца, дайте разумѣть, что значить отрада»!

Какъ чувствовалъ старецъ, такъ и поступалъ. Предстательствовалъ онъ всегда передъ начальствомъ за провинившихся, заступалъ обижаемыхъ, помогалъ нуждающимся, чѣмъ только могъ, – и алеуты обоюго пола и дѣти ихъ часто посѣщали его. Кто просилъ совѣта, кто жаловался на притѣсненіе, кто искалъ защиты, кто желалъ помощи: каждый получалъ отъ старца возможное удовлетвореніе. Разбиралъ онъ ихъ взаимныя непріятности, старался всѣхъ мирить; особенно въ семействахъ заботился возстановлять согласіе. Если не удавалось помирить мужа съ женой, старецъ на время разлучалъ ихъ. Необходимость такой мѣры онъ самъ объяснялъ такъ: пусть лучше врозь живутъ, да не дерутся и не бранятся; а то повѣрьте, – страшно – если не развести: были примѣры, что мужъ убивалъ жену, или жена изводила мужа»! Особенно любилъ о. Германъ дѣтей; надѣлялъ ихъ сухариками, пекъ имъ крендельки, и малютки ласкались къ старцу. Любовь о. Германа къ алеутамъ доходила до самоотверженія.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

На корабль изъ Соединенныхъ-Штатовъ занесена была на о. Ситху, а оттуда на о. Кадьякъ, повальная, заразительная, смертельная болѣзнь, или язва. Она начиналась жаромъ, сильнымъ насморкомъ и удушьемъ, и оканчивалась колотьемъ: въ три дня человекъ умиралъ. Не было на островѣ ни доктора, ни лѣкарствъ. Болѣзнь, разливаясь по селенію, быстро обхватывала окрестности; она дѣйствовала на всѣхъ, даже и на грудныхъ дѣтей. Смертность была такъ велика, что три дня некому было копать могилы, – и тѣла валялись незакрытыми! «Я», говоритъ самовидецъ, «не могу представить себѣ ничего печальнѣе и ужаснѣе того зрѣлища, которымъ я пораженъ былъ, посѣтивши алеутскій кажимъ! Это большой сарай, или казарма, съ нарами, въ которомъ живутъ алеуты со своими семьями; въ немъ помѣщалось до ста человекъ. Здѣсь одни уже умерли, остыли и лежали подлѣ живыхъ; другіе кончались: стонъ, вопль, раздирающій душу! Я видѣлъ матерей уже умершихъ, по охладѣвшимъ трупамъ которыхъ ползало голодное дитя, тщетно съ воплемъ искавшее себѣ пищи... Кровію обливалось сердце отъ жалости! Кажется, если бы кто могъ достойно кистью изобразить весь ужасъ этой печальной картины, – тотъ и въ ожесточенной душѣ возбудилъ бы страхъ смерти. Во все время этой грозной болѣзни, продолжавшейся, съ постепеннымъ умаленіемъ, цѣлый мѣсяць, о. Германъ, не щадя себя, неутомимо посѣщалъ больныхъ, увѣщавалъ ихъ терпѣть, молиться, приносить покаяніе, или приготавливалъ ихъ къ смерти.

Особенно старался старецъ о нравственномъ преспѣяніи алеутовъ. Съ этою цѣлію для дѣтей – сиротъ алеутскихъ устроено было имъ училище; онъ самъ училъ ихъ закону Божию и церковному пѣнію. Съ этою же цѣлію въ часовнѣ, близъ его кельи, въ воскресные и праздничные дни собиралъ онъ алеутовъ

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

для молитвы. Здѣсь часы и разныя молитвы читаль для нихъ ученикъ его, а самъ старецъ читаль Апостоль, Евангеліе и устно поучаль ихъ; пѣли же его воспитанницы, и пѣли очень пріятно. Любили алеуты слушать наставленія о. Германа, и во множествѣ собирались къ нему. Увлечательны были бесѣды старца, и съ чудною силою дѣйствовали онѣ на слушателей. Объ одномъ изъ такихъ благодатныхъ впечатлѣній своего слова пишетъ онъ самъ.

«Слава судьбамъ святымъ милостиваго Бога! Онъ непостижимымъ своимъ промысломъ показалъ мнѣ нынѣ новое явленіе, чего здѣсь на Кадьякѣ я, двадцать лѣтъ живши, не видалъ. Нынѣ послѣ пасхи одна молодая женщина, не болѣе двадцати лѣтъ, по русски хорошо говорить умѣющая, прежде совсѣмъ меня незнавшая, никогда невидавшая, пришла ко мнѣ и, услышавъ о воплощеніи Сына Божія и о вѣчной жизни, столько возгорѣла любовію ко Іисусу Христу, что никакъ не хочетъ отъ меня отойти, но сильною просьбою убѣдила меня противъ моей склонности и любви къ уединенію, не смотря ни на какія предлагаемая ей отъ меня препятствія и трудности, принять ее, и болѣе уже мѣсяца живетъ при школѣ и не скучаетъ. Я, съ великимъ удивленіемъ смотря на сіе, поминаю слово Спасителя: что утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцамъ». – Эта женщина жила при школѣ до смерти о. Германа; она наблюдала за благонравіемъ дѣтей, учившихся въ его училищѣ, – и онъ, умирая, завѣщалъ ей жить на Еловомъ. Называлась она Софья Власова.

О характерѣ и силѣ бесѣдъ старца г. Яновскій пишетъ: «Мнѣ было тридцать лѣтъ, когда я встрѣтился съ о. Германомъ. Надо сказать, что я воспитывался въ морскомъ корпусѣ, зналъ многія науки и много читаль; но, къ сожалѣнію, науку изъ наукъ, т.е.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

законъ Божій, едва понималъ поверхностно, и то теоретически, не примѣняя къ жизни, и былъ только по названію христіанинъ, а въ душѣ и на дѣлѣ – вольнодумецъ. Тѣмъ болѣе я не признавалъ божественности и святости нашей религіи, что перечиталъ много безбожныхъ сочиненій. О. Германъ тотчасъ замѣтилъ это и пожелалъ меня обратить. Къ великому моему удивленію, онъ говорилъ такъ сильно, умно, – доказывалъ такъ убѣдительно, что, мнѣ кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять противъ его словъ. Ежедневно бесѣдовали мы съ нимъ до полночи, и даже за полночь, о любви Божіей, о вѣчности, о спасеніи души, о христіанской жизни. Сладкая рѣчь неумолкаемымъ потокомъ лилась изъ устъ его! ... Такими постоянными бесѣдами и молитвами святаго старца Господь совершенно обратилъ меня на путь истины, и я сдѣлался настоящимъ христіаниномъ. Всѣмъ этимъ я обязанъ о. Герману: онъ мой истинный благодѣтель».

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», продолжаетъ г. Яновскій, «о. Германъ обратилъ одного морскаго капитана Г. изъ лютеранской вѣры въ православіе. Этотъ капитанъ былъ весьма образованъ; кромѣ многихъ наукъ, онъ зналъ языки: русскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій и нѣсколько испанскій, – и за всѣмъ тѣмъ онъ не могъ устоять противъ убѣжденій и доказательствъ о. Германа: перемѣнилъ свою вѣру и присоединенъ къ православной Церкви чрезъ мвропомазаніе. Когда отъѣзжалъ онъ изъ Америки, старецъ при прощаніи сказалъ ему: «смотрите, если Господь возьметъ вашу супругу у васъ, то вы никакъ не женитесь на нѣмкѣ; если женитесь на нѣмкѣ, она непременно повредитъ вашему православію». Капитанъ далъ слово, но не исполнилъ его. Предостереженіе старца было пророчествомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

умерла жена у капитана, и онъ женился на нѣмкѣ: вѣроятно, – оставилъ, или ослабилъ вѣру, и умеръ скоропостижно, безъ покаянія.

Далѣе говоритъ г. Яновскій: «Однажды пригласили старца на фрегатъ, пришедшій изъ С.-Петербурга. Капитанъ фрегата былъ человѣкъ весьма ученый, высокообразованный; онъ былъ присланъ въ Америку по Высочайшему повелѣнію для обревизованія всѣхъ колоній; съ капитаномъ было до двадцати пяти человѣкъ офицеровъ, также людей образованныхъ. Въ этомъ-то обществѣ сидѣлъ небольшого роста, въ ветхой одеждѣ, пустынный монахъ, который своею мудрою бесѣдою всѣхъ образованныхъ собесѣдниковъ своихъ привелъ въ такое положеніе, что они не знали, что ему отвѣчать. Самъ капитанъ рассказывалъ: «мы были безотвѣтны предъ нимъ»! О. Германъ сдѣлалъ всѣмъ имъ одинъ общій вопросъ: «Что вы, гг., болѣе всего любите и чего бы каждый изъ васъ желалъ для своего счастья»? Посыпались разные отвѣты. Кто желалъ богатства, кто – славы, кто – красавицу жену, кто – прекраснаго корабля, на которомъ бы онъ начальствовалъ, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. «Не правда ли», сказалъ имъ на это о. Германъ, «что всѣ ваши разнообразныя желанія можно привести къ одному, – что каждый изъ васъ желаетъ того, что, по его понятію, считаетъ онъ лучшимъ и болѣе достойнымъ любви»? – «Да, такъ»! отвѣчали всѣ. «Что же, скажите», продолжалъ онъ, «можетъ быть лучше, выше всего, всего превосходнѣе и по преимуществу достойнѣе любви, какъ не Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который насъ создалъ, украсилъ такими совершенствами, всему далъ жизнь, все содержитъ, питаетъ, все любитъ, Который Самъ есть любовь и прекраснѣе всѣхъ человѣковъ? Не должно ли же поэтому превыше всего любить Бога, болѣе всего желать и

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

искать Его»? Всѣ заговорили: «ну, да! Это разумѣется! Это само по себѣ!» – «А любите ли вы Бога»? спросилъ тогда старецъ. Всѣ отвѣчали: «конечно, – мы любимъ Бога. Какъ не любить Бога?» «А я грѣшный болѣе сорока лѣтъ стараюсь любить Бога и не могу сказать, что совершенно люблю Его», возразилъ имъ о. Германъ, и сталъ доказывать, какъ должно любить Бога. «Если мы любимъ кого», говорилъ онъ, «мы всегда помнимъ того, стараемся угодить тому, день и ночь наше сердце занято тѣмъ предметомъ. Такъ ли же вы, гг., любите Бога? Часто ли обращаетесь къ Нему, всегда ли помните Его, всегда ли молитесь Ему и исполняете Его святые заповѣди»? Должны были признаться, что нѣтъ! «Для нашего блага, для нашего счастья», заключилъ старецъ, «по крайней мѣрѣ дадимъ себѣ обѣтъ, что отъ сего дня, отъ сего часа, отъ сей минуты мы будемъ стараться любить Бога уже выше всего, и исполнять Его святую волю!» Безъ сомнѣнія этотъ разговоръ долженъ былъ запечатлѣться въ сердцахъ слушателей на всю ихъ жизнь!

Вообще о. Германъ любилъ бесѣдовать о вѣчности, о спасеніи, о будущей жизни, о судьбахъ Божіихъ; много рассказывалъ изъ житій святыхъ, изъ пролога, но никогда не говорилъ ничего пустого. Такъ пріятно было его слушать, что бесѣдующіе съ нимъ даже и алеуты и ихъ женщины увлекались его бесѣдою и нерѣдко только съ разсвѣтомъ дня, какъ бы нехотя, оставляли его, свидѣтельствуешь креоль Константинъ Ларіоновъ.

Г. Яновскій подробно описываетъ наружность о. Германа. «Живо помню я», говоритъ онъ, «всѣ черты сіявшаго благодатію лица старца, его пріятную улыбку, кроткій, привлекательный взоръ, смиренный, тихій нравъ и его привѣтливое слово. Онъ былъ росту небольшого; лице имѣлъ блѣдное, покрытое морщинами; глаза сѣро-голубые, исполненные блеска, и на головѣ

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

у него было немного сѣдыхъ волосъ. Рѣчь его была не громкая, но весьма пріятная». Изъ бесѣдъ своихъ съ старцемъ Яновскій приводитъ два случая. «Однажды», пишетъ онъ, «я прочелъ о Герману оду «Богъ» Державина. Старецъ удивился, восхитился, и просилъ прочесть ее еще разъ: я повторилъ. «Неужели это простой ученый писалъ»? спросилъ онъ. – «Да, ученый, поэтъ», отвѣчалъ я. «Это по вдохновенію Божію писано», сказалъ старецъ.

«Въ другой разъ я рассказывалъ ему, какъ испанцы въ Калифорніи захватили въ плѣнъ 14 человекъ алеутовъ и іезуиты принуждали ихъ всѣхъ принять католическую вѣру; на что алеуты никакъ не соглашались: «мы христіане», говорили они. «Неправда, вы еретики, схизматики», возражали іезуиты, – «и если вы не согласитесь принять нашу вѣру, то мы васъ всѣхъ замучимъ». Затѣмъ алеуты по два человека до вечера были размѣщены по темницамъ. Вечеромъ съ фонаремъ и зажженными свѣчами пришли іезуиты въ темницу, и стали снова убѣждать бывшихъ въ ней двухъ алеутовъ къ принятію католической вѣры. «Мы христіане», былъ отвѣтъ алеутовъ, – и не перемѣнимъ своей вѣры». Тогда іезуиты стали ихъ мучить, сперва одного, а другой былъ свидѣтелемъ. Отрѣзали у алеута по одному суставу у пальцевъ на ногахъ, потомъ – по другому, далѣе по одному суставу у пальцевъ на рукахъ, затѣмъ по другому, потомъ отрубили ступни ногъ, кисти рукъ, – кровь лилась: мученикъ терпѣлъ и твердилъ одно: «я христіанинъ», и въ такихъ мученіяхъ отъ истеченія крови скончался. На другой день обѣщали іезуиты также замучить и его товарища; но въ эту ночь было получено повелѣніе изъ Монтерея, чтобы всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ русскихъ алеутовъ немедленно прислать туда за конвоемъ, а потому они утромъ всѣ, кромѣ скончавшагося, и были

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

отправлены. Это рассказывалъ мнѣ самовидецъ алеутъ, товарищъ замученнаго, впоследствии бѣжавшій изъ плѣна; и объ этомъ я тогда же донесъ въ главное правленіе въ С.-Петербургъ. Когда я кончилъ мой рассказъ, о. Германъ спросилъ: «а какъ звали замученнаго алеута?» – «Петромъ», отвѣчалъ я, «фамиліи не припомню». Старецъ всталъ передъ образомъ, благоговѣнно перекрестился и произнесъ: «святый новомученикъ Петръ, моли Бога о насъ!»

Чтобы нѣсколько выразить самый духъ ученія о. Германа, мы приведемъ слова собственноручнаго письма его.

«Пустыя вѣка сего желанія удаляютъ отъ отечества небеснаго, любовь къ тѣмъ и привычка одѣваютъ душу нашу какъ будто въ гнусное платье; оно названо отъ Апостоловъ «внѣшній челоуѣкъ». Мы, странствуя въ путешествіи сей жизни, призывая Бога въ помощь, должны гнусности той совлекаться, а одѣваться въ новыя желанія, въ новую любовь будущаго вѣка, и чрезъ то узнавать наше къ небесному отечеству или приближеніе или удаленіе; но скоро сего сдѣлать невозможно, а должно слѣдовать примѣру больныхъ, которые, желая любезнаго здравія, не оставляютъ изыскивать средствъ для излѣченія себя. Я говорю не ясно».

Ничего не искавъ для себя въ жизни, давно уже, при самомъ прибытіи въ Америку, по смиренію, отказавшись отъ сана іеромонаха и архимандрита, и оставшись навсегда простымъ монахомъ, о. Германъ, безъ малѣйшаго страха предъ сильными, ревновалъ всѣмъ усердіемъ по Богѣ. Съ кроткою любовію, не смотря на лицо, обличалъ онъ многихъ въ нетрезвой жизни, недостойномъ поведеніи и притѣсненіи алеутовъ. Обличаемая злоба вооружалась противъ него, дѣлала ему всевозможныя

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

неприятности и скорби, но Господь охранялъ старца. Правитель колоній Яновскій, не издавши еще о. Германа, вслѣдствіе однихъ наговоровъ на него, уже писалъ въ Петербургъ о необходимости его удаленія, объясняя, что онъ будто бы возмущаетъ алеутъ противъ начальства; но это обвиненіе оказалось несправедливымъ и г. Яновскій впослѣдствіи былъ въ числѣ почитателей о. Германа. Однажды слѣдователь прибылъ на Еловой островъ съ правителемъ колоній Н. и компанейскими служителями обыскивать келью о. Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда же не нашли ничего цѣннаго, вѣроятно съ дозволенія старшихъ, служитель Пономарьковъ сталъ топоромъ выворачивать половыя доски. «Другъ мой», сказалъ ему тогда Германъ, «напрасно ты взялъ топоръ: это орудіе лишитъ тебя жизни!» Чрезъ нѣсколько времени потребовались люди въ Николаевскій редутъ; почему изъ Кадьяка послали туда русскихъ служителей, въ числѣ ихъ и Пономарькова, тамъ кенайцы ему сонному топоромъ отсѣкли голову.

Много великихъ скорбей понесъ о. Германъ и отъ бѣсовъ. Это онъ самъ открылъ ученику своему Герасиму, когда тотъ, войдя къ нему въ келью безъ обычной молитвы, на всѣ вопросы свои не получилъ отъ него отвѣта и на другой день спросилъ его о причинѣ вчерашняго молчанія. «Когда я пришелъ на этотъ островъ и поселился въ этой пустынь», сказалъ ему тогда о. Германъ, «много разъ бѣсы приходили ко мнѣ, какъ будто для надобностей, – и въ видѣ человѣческомъ, и въ видѣ звѣрей, – и я много потерпѣлъ отъ нихъ и разныхъ скорбей и искушеній: поэтому-то теперь я и не говорю съ тѣмъ, кто войдетъ ко мнѣ безъ молитвы».

Посвятивши себя совершенно на служеніе Господу, ревнуя единственно о прославленіи Его всесвятаго имени, вдали отъ

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

родины, среди многообразныхъ скорбей и лишеній, десятки лѣтъ проводя въ высокихъ подвигахъ самоотверженія, о. Германъ былъ сподобленъ многихъ сверхъестественныхъ даровъ отъ Бога.

Среди Еловаго острова по горѣ сбѣгаетъ въ море небольшой ручеекъ, у котораго устье всегда ометываетъ буруномъ. Весною, когда появлялась рѣчная рыба, старецъ огребалъ нѣсколько песокъ въ устьѣ, чтобы было можно пройти рыбѣ, – и первоприблизившаяся рыба стремилась въ рѣку. «Бывало, скажетъ апа», говоритъ Алигьяга, «пойдешь, и достанешь рыбу въ рѣкѣ!» Рыбою сушеною кормилъ о. Германъ птицъ, – и онѣ во множествѣ привитали около его кельи. Подъ кельею у него жили горностаи. Этотъ маленькій звѣрекъ, когда оценится, недоступенъ, а старецъ кормилъ ихъ изъ рукъ. «Не чудо ли мы это видѣли!» говоритъ его ученикъ Игнатій. Видѣли также, что о. Германъ кормилъ медвѣдей. Со смертію старца и птицы и звѣри удалились; даже огородъ его не даетъ никакого урожая, если кто самовольно держитъ его, утверждаетъ Игнатій.

На Еловомъ островѣ сдѣлалось наводненіе. Жители въ испугѣ прибѣжали къ старцу: тогда онъ взялъ изъ дому своихъ воспитанниковъ икону Божіей Матери, вынесъ, поставилъ ее на лайдѣ¹ и сталъ молиться. По молитвѣ, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ: «не бойтесь, – далѣе этого мѣста, гдѣ стоитъ святая икона, не подойдетъ вода». Слово старца исполнилось. Затѣмъ, обѣщая такую же помощь отъ святой иконы и на будущее время – заступленіемъ Пренепорочной Владычицы, поручилъ онъ ученицѣ своей Софѣѣ, въ случаѣ наводненія, ставить икону на лайду. Икона эта хранится на островѣ и донынѣ.

¹ Иловатая мель.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссіонера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Баронъ Ф. П. Врангель, по просьбѣ старца, писалъ по диктовкѣ его письмо – неизвѣстно которому – митрополиту. Когда окончено и прочитано было письмо, старецъ поздравилъ барона съ чиномъ адмирала. Изумился баронъ: это была для него новость, которая дѣйствительно подтвердилась только черезъ долгое время при выѣздѣ его въ Петербургъ.

«Жаль мнѣ тебя, любезный кумь», говорилъ о. Германъ правителю Кошеварову, у котораго онъ принималъ отъ купели сына, «жаль: смѣна тебѣ будетъ непріятная!» Года черезъ два Кошеваровъ, при смѣнѣ, связаннымъ былъ отправленъ на островъ Ситху.

Однажды загорѣлся на Еловомъ островѣ лѣсъ. Старецъ съ ученикомъ своимъ Игнатіемъ въ чащѣ лѣса, въ аршинъ ширины, провелъ полосу до подошвы горы, разворочавъ мохъ, и сказалъ: «будьте спокойны, – огонь не перейдетъ этой черты!» На другой день, когда, по свидѣтельству Игнатія, не было надежды на спасеніе, съ сильнымъ напоромъ дошелъ огонь до развороченнаго старцемъ мха, пробѣжалъ вдоль его и остановился, не коснувшись густого лѣса, находившагося за чертой.

За годъ до полученія извѣстія въ Кадьякѣ о смерти высокопреосвященнаго митрополита (неизвѣстно котораго), о. Германъ говорилъ алеутамъ, что ихъ большой духовный начальникъ скончался.

Часто говорилъ старецъ, что въ Америкѣ будетъ свой архіерей, тогда какъ объ этомъ никто и не думалъ, да и надежды не было, чтобы въ Америкѣ былъ свой архіерей, говорить

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

преосвященный епископъ Петръ; но пророчество его сбылось въ свое время.

«Послѣ смерти моей», говорилъ о. Германъ, «будетъ повальная болѣзнь и умретъ отъ нея много людей и русскіе соединятъ алеутовъ». Дѣйствительно, кажется черезъ полгода по его кончинѣ, было оспенное повѣтріе, смертность отъ котораго въ Америкѣ была поразительная: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ оставалось въ живыхъ только по нѣскольку человѣкъ. Это побудило колоніальное начальство соединить алеутовъ: тогда изъ двадцати селеній образовалось только семь.

«Хотя и много времени пройдетъ послѣ моей смерти», говаривалъ о. Германъ своимъ ученикамъ, «но меня не забудутъ, и мѣсто жительства моего не будетъ пусто: подобный мнѣ монахъ, убѣгающій славы человѣческой, придетъ и будетъ жить на Еловомъ, – и Еловой не будетъ безъ людей!»

«Миленькій», спрашивалъ о. Германъ креола Константина, когда ему было не болѣе двѣнадцати лѣтъ отъ роду, «какъ ты думаешь, часовня, которую теперь строить, останется ли втунѣ?» – «Не знаю, апа», отвѣчалъ малютка. «Я и дѣйствительно», говоритъ Константинъ, «не понялъ тогда вопроса; хотя весь разговоръ со старцемъ живо запечатлѣлся въ моей памяти». Старецъ же, нѣсколько помолчавъ, сказалъ: «дитя мое, помни, – на этомъ мѣстѣ будетъ со временемъ монастырь».

«Пройдетъ тридцать лѣтъ послѣ моей смерти, всѣ живущіе теперь на Еловомъ островѣ перемрутъ, ты останешься живъ одинъ и будешь старъ и бѣденъ, – и тогда вспомнятъ меня», говорилъ о. Германъ ученику своему, алеуту Игнатію Алигъягѣ. И дѣйствительно, по истеченіи 30 лѣтъ со дня кончины о.

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссіонера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Германа вспомнили о немъ, стали собирать о немъ извѣстія, по которымъ и было написано житіе его. «Удивительно», восклицаетъ Игнатій, «какъ подобный намъ человѣкъ могъ все это знать впередъ за такое долгое время! Впрочемъ, нѣтъ! онъ – не простой человѣкъ! Онъ мысли наши видѣлъ и невольно доводилъ до того, что мы ему ихъ открывали и получали наставленія!»

«Когда я умру», говорилъ старецъ своимъ ученикамъ: «вы похороните меня рядомъ съ о. Иоасафомъ. Похороните вы меня одни и священника не дождетесь! Тѣла моего не обмывайте, положите его на доску, сложите на груди руки, запеленайте меня въ мантию и ея воскриліями покройте мое лицо и клобукомъ голову. Если кто пожелаетъ проститься со мной, пусть цѣлуетъ крестъ; лица моего никому не показывайте».

Приближалось время отшествія старца. Въ одинъ день приказалъ онъ ученику своему Герасиму зажечь свѣчи передъ иконами и читать Дѣянія св. Апостоловъ. Черезъ нѣсколько времени, лицо его просіяло, и онъ громко произнесъ: «слава Тебѣ, Господи!» Потомъ, приказавъ прекратить чтеніе, объявилъ, что Господу угодно еще на недѣлю продлить его жизнь. Черезъ недѣлю, опять по приказанію его были зажжены свѣчи и читали Дѣянія святыхъ Апостоловъ. Тихо преклонилъ старецъ свою главу на грудь Герасима, келья наполнилась благоуханія, просіяло лицо его, – и о. Германа не стало! Такъ блаженно почилъ онъ сномъ праведника на 81 году своей многотрудной жизни, 13 декабря 1837 года.

Посланный съ печальною вѣстію въ гавань, возвратясь объявилъ, что правитель колоній Кошеваровъ запретилъ хоронить старца до своего пріѣзда, что онъ приказалъ сдѣлать для

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

усопшаго лучшій гробъ и что самъ съ священникомъ немедленно привезетъ его. Но вотъ подулъ страшный вѣтеръ, полился дождь, сдѣлалась ужасная буря. Не великъ былъ переѣздъ изъ гавани на Еловой, всего часа два пути, но никто не рѣшался пуститься въ море въ такую погоду. Такъ было цѣлый мѣсяцъ; и хотя цѣлый мѣсяцъ лежало тѣло о. Германа въ тепломъ домѣ его воспитанниковъ; но не измѣнилось лице его и не было отъ тѣла ни малѣйшаго запаха. Наконецъ съ опытнымъ старикомъ Козьмою Училищевымъ доставленъ былъ гробъ; изъ гаванскихъ никто не пріѣхалъ, – и Еловскіе жители одни предали землѣ смертные останки своего старца. Такъ исполнились предсмертныя слова о. Германа, – и затѣмъ вѣтеръ стихъ, и поверхность моря стала гладка, какъ зеркало.

Въ одинъ вечеръ въ селеніи Катани (на Аѳогнакѣ) видѣнъ былъ надъ Еловымъ островомъ необыкновенносвѣтлый столбъ, достигающій до неба. Пораженные чудеснымъ явленіемъ, опытные старики и креоль Герасимъ Вологдинъ и жена его Анна сказали: «видно, о. Германъ оставилъ насъ!» и стали молиться. Впоследствии они извѣстились, что именно въ эту ночь преставился старецъ. Этотъ столбъ видѣли съ разныхъ мѣстъ и другіе. Въ тотъ же вечеръ, въ другомъ селеніи на Аѳогнакѣ, видѣли какъ бы человѣка, подымавшагося съ Еловаго острова къ облакамъ.

Похоронивъ своего отца, надъ могилою его ученики поставили деревянный памятникъ. «Я самъ видѣлъ его», говоритъ кадьякскій священникъ Петръ Кошеваровъ, «и теперь могу сказать, что онъ нисколько не тронутъ временемъ и какъ будто бы сегодня сколочень».

Жизнь Валаамскаго Монаха Германа, Американскаго Миссионера
The Life of Monk Herman of Valaam, American Missionary

Видѣвъ славную подвигами жизнь о. Германа, видѣвъ его чудеса, видѣвъ исполненіе его предсказаній и наконецъ его блаженное успеніе, «вообще всѣ мѣстные жители», свидѣтельствуеть преосвященный епископъ Петръ, «имѣють благоговѣйное уваженіе къ нему, какъ къ святому подвижнику, и вполнѣ увѣрены въ его Богоугожденіи».

Въ 1842 году, чрезъ пять лѣтъ по преставленіи старца плывя моремъ въ Кадыякъ и находясь въ крайней опасности, высокопреосвященный Иннокентій, архіепископъ Камчатскій и Алеутскій, возрѣвъ на Еловой островъ, сказалъ въ умѣ своемъ: «если ты, о. Германъ, угодишь Господу, то пусть перемѣнится вѣтеръ!» И точно, не прошло, кажется, и четверти часа, говоритъ высокопреосвященный, какъ вѣтеръ имъ сдѣлался попутный и они благополучно пристали къ берегу. Въ благодарность за избавленіе, архіепископъ Иннокентій служилъ самъ на могилѣ блаженнаго панихиду.

*

*

*